

Посвящается моей матери Пурне Кумари Пурдже,
благодаря которой я смог воплотить свои мечты,
и альпинистскому сообществу Непала.

Что для вас экстрим, для меня – норма.

Содержание

1. СМЕРТЬ ИЛИ СЛАВА	9
2. НАДЕЖДА ЕСТЬ БОГ	15
3. ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ, ЧЕМ ПРОСЛЫТЬ ТРУСОМ	33
4. НЕУКЛОННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ	45
5. В «ЗОНУ СМЕРТИ»	56
6. ПЛАВАНИЕ НА ЛУНУ	80
7. МИССИЯ	98
8. НАИВЫСШИЕ СТАВКИ	112
9. УВАЖЕНИЕ ЗАСЛУЖЕНО	126
10. НОРМАЛЬНОСТЬ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ	141
11. СПАСАЙ!	157
12. НАВСТРЕЧУ ТЬМЕ	172
13. КОГДА НАЧИНАЕТСЯ КАТАСТРОФА	184
14. ВЕРШИННАЯ ГОРЯЧКА	199
15. ГОРЫ И ПОЛИТИКА	213
16. БРОСАТЬ НЕ В МОЕЙ ПРИВЫЧКЕ	226
17. СКВОЗЬ БУРЮ	238
18. ДИКАЯ ГОРА	253
19. ГОРНЫЙ ИНСТИНКТ	263

8 • Содержание

20. НАРОДНЫЙ ПРОЕКТ	277
21. ЭПОПЕЯ	287
<i>Эпilog. НА ПИКЕ</i>	301
<i>Приложение I. УРОКИ, ПОЛУЧЕННЫЕ</i> <i>В ЗОНЕ СМЕРТИ</i>	304
<i>Приложение II. 14 ВОСЬМИТЯСЯЧНИКОВ.</i> <i>ДАТЫ ВОСХОЖДЕНИЙ</i>	312
<i>Приложение III. МИРОВЫЕ РЕКОРДЫ</i>	313
<i>БЛАГОДАРНОСТИ</i>	314
<i>БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ПРЕДОСТАВЛЕННЫЕ ФОТОГРАФИИ</i>	317

1

СМЕРТЬ ИЛИ СЛАВА

3 июля 2019 года

Мир уходит из-под ног, я начинаю скользить по бесцветному заснеженному склону восьмитысячника Нанга-Парбат головой вниз. Десять, двадцать, тридцать метров пролетают в мгновение ока.

Я разобьюсь насмерть?

Еще секунду назад я был в безопасности — уверенно стоял на крутом склоне, пригибаясь к земле и не теряя опоры под порывами ветра, как вдруг зубья кошек потеряли сцепление с поверхностью. И вот я падаю — сперва медленно, но с каждой секундой скорость растет, а мозг пытается просчитать, сколько осталось до момента, когда тело ударится о камни внизу или провалится в бездонную трещину.

У тебя не так много времени, чтобы решить эту проблему.

Винить в смерти будет некого. Потому что *я сам* решил взойти на девятую по высоте гору мира в непогоду... *Я сам* захотел побить не один рекорд и подняться на все четырнадцать высочайших вершин за семь месяцев в рамках одной большой

экспедиции — каждая гора выше восьми километров, а воздух наверху так разрежен, что мозг и тело не в состоянии нормально функционировать. Наконец, это я только что решил отстегнуться от веревочных перил на спуске и пропустить другого альпиниста, который торопился вниз. Но едва я шагнул в сторону, как снег поддался под ногами и увлек меня за собой. Я потерял контроль над ситуацией, а две строгие установки, два постулата, которые я определил для себя в экспедиции, только что подверглись серьезному испытанию. Первый: *надежда есть Бог*. Второй: *в больших горах мелочи обретают перво-степенное значение*. Отойдя от страховочной веревки, я нарушил второй постулат, и эта ошибка сразу же обернулась проблемой.

Так что теперь можно было уповать только на первый.

Было ли страшно эти несколько секунд? *Нет*.

Лучше умереть, чем прослыть трусом, особенно если это смерть при попытке выйти за пределы возможного.

В 2018 году я задался целью испытать пределы физических возможностей и побить рекорд на восьмитысячниках, установленный корейским альпинистом Ким Чан Хо¹ в 2013 году. Ким смог взойти на все высочайшие пики мира за семь лет, десять месяцев и шесть дней. Почти такой же рекорд у польского восходителя Ежи Кукучки², который затратил на это семь лет, одиннадцать месяцев и четырнадцать дней. Замахнуться на эти рекорды — более чем дерзкое намерение, однако я был достаточно уверен в себе и поэтому уволился из рядов британской армии, где сначала прослужил несколько лет в гуркхском полку, а затем в Особой лодочной службе — подразделении специ-

---

¹ В 2013 году Ким Чан Хо стал первым корейцем, поднявшимся на все 14 гор мира высотой более 8000 метров без использования искусственного кислорода, при этом он также установил рекорд по выполнению программы в кратчайшие сроки.

² Польский альпинист, второй в мире покоритель всех восьмитысячников планеты.

В международном аэропорту Катманду с отцом и матерью — провожаем моего старшего брата Гангу, улетающего в Великобританию

ального назначения Королевского военно-морского флота, бойцы которого действуют в наиболее трудных зонах военных действий по всему миру.

Бросить такую карьеру было, конечно, рискованно, но я решил пойти на риск ради удовлетворения своих амбиций. Вера в себя стала стимулом, и все предприятие я рассматривал фактически как военную операцию. Еще на стадии планирования я решил назвать проект Project Possible¹, впоследствии эти слова стали подобием жеста из двух пальцев в форме буквы «V», означающего победу, — как ответ тем, кто не мог или не хотел верить в успех начинания. Сомневающихся было много, они появлялись словно из ниоткуда, и даже в голосе тех, кто поддерживал проект, порою слышалось сомнение. В 2019 году на сайте компании Red Bull мой проект назвали «плаванием на Луну». Я рассматривал все совсем иначе — я прибыл в этот мир не проигрывать. Бросать что-либо не в моем стиле, даже если речь

---

¹ Дословно «Проект “Возможно”».

идет о смертельно опасных вещах. Я не был овцой, ожидающей прихода пастуха, я был львом и шел куда хотел, и не собирался обсуждать это с другими.

С точки зрения альпинистов-высотников, у меня было мало опыта восхождений. Действительно, я впервые поднялся выше восьми километров всего несколько лет назад, однако быстро стал лучше многих, думаю, не в последнюю очередь благодаря необычной физиологии. Оказалось, что во время восхождений в «зоне смерти» я в состоянии быстро двигаться и проходить по семьдесят шагов, прежде чем остановиться на отдых, тогда как большинство восходителей делают не более четырех-пяти шагов.

Кроме того, я быстро восстанавливался. Часто доводилось быстро спуститься с очередного восьмитысячника, повеселиться на вечеринке в базовом лагере, а на следующее утро начать следующую экспедицию, порой даже с похмелья. *Это мой альпи-*

С моим братом Джитом. Фото сделано в деревне Дана

нистский стиль — неустанное стремление к совершенству при любых обстоятельствах.

Ничто не могло остановить меня, разумеется, кроме смерти или серьезной травмы.

Я проскользил еще тридцать или сорок метров. Нужно было сосредоточиться на чем-то: на движении вниз и все увеличивающейся скорости или на людях, скрывавшихся в тумане вверху, по мере того как я продолжал падать. Нужно, наконец, понять, смогу ли остановиться. *Получится ли зацепиться ледорубом, чтобы замедлить падение?* Я старался вогнать клюв ледоруба в склон, но снег был слишком мягок. Тщетно. *Не держит.*

Уверенность в способности решить любую проблему таяла с каждым мгновением. Падение становилось неконтролируемым, надежды не осталось, но вдруг... *Там!* Сквозь летящий вместе со мною снег взгляд выхватил закрепленную на склоне веревку. Если получится дотянуться до нее, это шанс. Последняя надежда на спасение. Я развернулся и резко выбросил руку вбок. *Есть!* Я вцепился в веревку теперь уже обеими руками изо всех сил. И вот я сижу на склоне, а ладони горят от боли.

Делаю глубокий вдох и, кажется, с поступающим в легкие воздухом наполняюсь спокойствием. Все ли в порядке? Судя по всему, да, хотя ноги дрожат, а сердце сильно колотится от выброса адреналина. *«Молодец, брат, — подумал я. — Теперь уже можно не переживать по этому поводу».* Отдыхаю пару секунд, затем поднимаюсь и продолжаю спуск, но теперь гораздо осторожнее. *«Прими все меры предосторожности и спускайся аккуратнее».*

Тем, кто был выше по склону, я, наверное, показался невозмутимым и хладнокровным, потому что продолжил спускаться как ни в чем не бывало, будто ничего не случилось, однако падение испугало меня. Вера в себя слегка пошатнулась, поэтому теперь я крепко держался за веревку и дважды проверял каждое следующее действие, пока не вернулась привычная уверенность в своих силах. Но с этого момента мыслил я иначе. Тщательно выбирая место, куда поставить ногу при следующем шаге на не-

надежном снегу, я вдруг осознал, что смерть придет и за мной. Возможно, это случится на одной из гор, на которые еще поднимусь в рамках проекта, возможно, через несколько десятилетий, когда состарюсь. Но не на Нанга-Парбат и не со следующим ударом сердца.

Не сегодня.

Не сегодня.

Но когда?

Удастся ли завершить начатое?

2

НАДЕЖДА ЕСТЬ БОГ

Идея взойти на все восьмитысячники в наиболее короткие сроки, то есть провести четырнадцать экспедиций с сумасшедшей скоростью, в какой-то момент овладела мной целиком. Я планировал сначала подняться на непальские восьмитысячники — Аннапурну, Дхаулагири, Канченджангу, Эверест, Лхоцзе, Макалу и Манаслу, затем отправиться в Пакистан и пройти пять тамошних высочайших гор — Нанга-Парбат, Гашербрумы I и II, K2 и Брод-пик, а потом попасть на две оставшиеся потрясающие горы из Тибета — на Чо-Ойю (на которую также можно взойти из Непала) и Шишабангму. *Но зачем?* Ведь это самые суровые места на планете с точки зрения условий для жизни и климата, а предприятие такого рода с ограничением по срокам в полгода большинство людей считает чистейшим безумием. Однако это прекрасная возможность продемонстрировать всему миру, что все, абсолютно все достижимо, если отдаться идее целиком, без остатка.

Какая разница, насколько это опасно?

Приключение началось с Эвереста — высочайшей вершины мира и самого известного пика Гималаев, который находится у меня на родине. Для иностранцев, лишь приезжающих в маленькую горную страну, Эверест — почти мифическая, легендарная гора. Однако я, будучи ребенком, воспринимал его как некую отдаленную сущность. Я родился в бедной семье. Сходить из родной деревни к Эвересту и обратно стоило дорого даже для нас, местных, и такой поход занимал двенадцать дней. Кроме того, путешественники останавливались в гестхаузах — своего рода маленьких гостиницах, расположенных в деревнях по пути. У меня такой возможности просто не было.

Когда я оказался в Англии в 2003 году и начал служить в британской армии, меня часто спрашивали: «Как выглядит Эверест?» Возможно, людям казалось, что такая большая гора в такой маленькой стране видна чуть ли не из моего сада. Но стоило лишь заикнуться, что я не был даже в базовом лагере, не говоря уже о том, чтобы взойти на эту гору, сослуживцы разочаровались. И даже стали ставить под сомнение мои боевые качества.

— Чувак, он же у тебя там под боком, и ты даже не почесался? А мы-то думали, что гуркхи реально крутые парни!

Спустя десять лет пришло время ответить на эти шутки и насмешки.

О'кей, восхождение начинается. Пришло время.

Я отправился на высочайшую вершину в декабре 2012-го и наконец впервые преодолел путь до базового лагеря — в двадцать девять лет. К этому времени я уже являлся частью военной элиты и через сослуживца познакомился с известным непальским восходителем Дордже Кхатри, который предложил сопроводить меня до базового лагеря. Дордже неоднократно бывал на вершине Эвереста и считался одним из лучших ги-

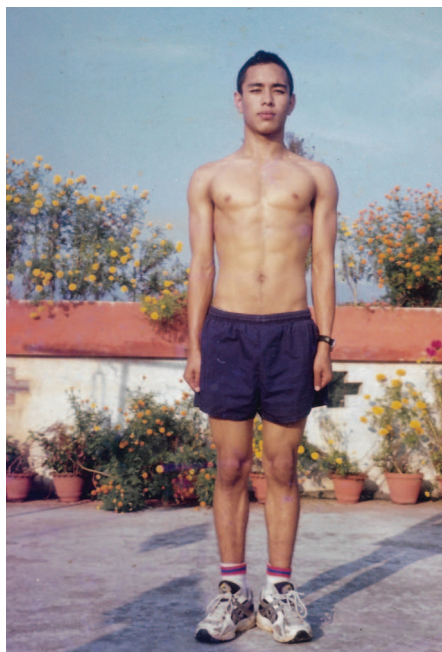
дов-шерпов. Он активно защищал права высотных носильщиков, добивался повышения жалования для них и беспокоился о состоянии окружающей среды, пытаясь доносить до всех, насколько хрупка экосистема Гималаев.

Я был рад его обществу — лучшего спутника вряд ли найдешь. Однако, увидев пик, поднимавшийся на 8848 метров, понял, что трекинга мне будет маловато, да и о риске я не сильно беспокоился — хотелось подняться повыше.

Пришлось попотеть, чтобы уговорить Дордже дать мне уроки высотного альпинизма с учетом работы выше восьми километров. Перво-наперво я попросил его взять меня в экспедицию на Ама-Даблам¹ — гору, расположенную недалеко от Эвереста, высотой 6812 метров, но Дордже лишь рассмеялся.

— Нимс, это сложная гора, требующая навыков и хорошей техники лазания, — сказал он. — Даже те, кто восходил на Эверест, считают ее сложной.

Поэтому вместо Ама-Даблам мы направились к пику Лобуче Восточная, взяв напрокат альпинистское снаряжение в одной из окрестных деревень. Поднимались мы медленно, но верно. Под руководством Дордже я впервые надел кошки и походил в них для начала ниже линии снега, чтобы почувствовать, ка-

Готовлюсь пройти отбор, чтобы попасть в гуркхи

¹ Вершина в Гималаях, высота главного пика — 6814 м, нижнего пика — 5563 м. Расположена в непальском районе Кхумбу. Считается одной из красивейших вершин в окрестностях Эвереста.

ково это. Ощущение показалось интересным — я впервые понял, что можно испытать на настоящем восхождении. И когда мы взойшли на вершину, где было жутко холодно и дул пронизывающий ветер, я впервые почувствовал волнение и возбуждение, которые возникают у участника серьезной экспедиции.

Едва ли не каждый шаг заставлял останавливаться и размышлять, существовала возможность срыва, и я вновь и вновь испытывал страх. На боязнь ушло очень много энергии, но в конце концов удалось сосредоточиться на том, чтобы идти к цели без лишних переживаний.

Вид с вершины ошеломил. Главный Гималайский хребет скрывался в облаках, но время от времени из серой мглы выступала то одна гора, то другая, то сразу несколько. Я почувствовал резкий выброс адреналина, когда Дордже указал на Эверест, Лхоцзе и Макалу. Меня охватило чувство не только гордости, но и предвкушения. Увидев эти три пика, я сразу же решил взойти на них, несмотря на то что по альпинистским меркам в мои годы было поздно заниматься восхождениями.

Хотелось большего. Примерно тогда же стало известно кое-что интересное: в 2015 году Бригада гуркхов — собирательный термин гуркхских подразделений — отметила двухвековую службу в британских вооруженных силах. Само празднование назвали G200, состоялся ряд престижных мероприятий, в том числе поминальная служба у памятника гуркхам в Лондоне, прием в парламенте и вечер памяти в Королевском Альберт-холле. За всей этой культурной программой едва упоминалось об экспедиции на Эверест.

Гуркхи издавна известны как хорошие альпинисты, однако их задействовали в различных войнах и конфликтах, в том числе в недавних — в Ираке и Афганистане, и так получилось, что ни один гуркх до сих пор не побывал на вершине Эвереста. (Кроме того, такая экспедиция стоит дорого, даже несмотря

Когда мы взошли
на вершину,
где было жутко холодно
и дул пронизывающий ветер,
я впервые почувствовал
волнение и возбуждение,
которые возникают
у участника серьезной
экспедиции.

на то, что для граждан Непала ценник на восхождение существенно ниже.) Было решено исправить это упущение — планировалось, что команда из десяти гуркхов поднимется на вершину по классическому маршруту через Южное седло.

Эта идея получила название «Экспедиция G200». Восхождение должно было стать историческим. Мне определенно повезло — в британском спецназе можно заниматься альпинизмом. Я гордился своим подразделением и делал все, чтобы улучшить его репутацию, а тут подвернулась такая возможность.

Я оттачивал свои навыки, параллельно с этим росли и амбиции. Служба давала доступ к узкоспециализированным тренировкам, и я записался на курс ведения боевых действий в экстремально холодных условиях и стал частью уникального коллектива специалистов, владеющих навыками ведения войны в высокогорье.

Затем я совершил восхождение на Денали — высочайшую вершину Северной Америки, а также обязательную гору для тех, кто решил выполнить программу «Семь вершин», то есть подняться на самые высокие горы всех континентов. Помимо Денали, это Эверест (Азия), Эльбрус (Европа), Килиманджаро (Африка), Винсон (Антарктида), Аконкагуа (Южная Америка) и Пирамида Карстенса (Океания).

Восхождение на расположенную на Аляске Денали высотой 6190 метров не назовешь простым. Температура на вершине может опускаться до минус пятидесяти градусов, и это серьезная проблема для начинающего альпиниста. В то же время гора стала идеальной тренировочной площадкой: я научился обращаться с веревкой и смог проверить наработанную в спецназе выносливость, часами напролет таща сани с поклажей по глубокому снегу и стараясь не провалиться в многочисленные трещины.

Затем, в 2014 году, я взшел на свой первый восьмитысячник — Дхаулагири. Это чудовище, название которого в переводе означает «Белая гора», считается одной из наиболее опасных гор для восхождений из-за количества жертв. К 2014 году здесь погибли более восьмидесяти альпинистов, а один из склонов — южный — по-прежнему остался непройденным, хотя по нему пытались подняться самые опытные альпинисты, в том числе Райнхольд Месснер, впервые взошедший на Эверест в одиночку¹.

Наибольшую опасность представляют огромные лавины, которые, кажется, возникают из ниоткуда и сносят всех и вся на своем пути. В 1969 году такая лавина смела пятерых американцев и двух шерпов. Шестью годами позже снег похоронил живо шестерых членов японской экспедиции.

Так что к горе не стоило относиться с пренебрежением, особенно с учетом моих восемнадцатимесячных занятий альпинизмом и весьма скудного опыта пребывания в суровых условиях на большой высоте. Однако я старался улучшить навыки каждый раз, как представлялась возможность — отпуск от службы в Афганистане, и в конце концов решил совершить это восхождение.

Компанию составил напарник из Особой воздушной службы Вооруженных сил Великобритании. Назовем его Джеймс из соображений секретности. Мы едва ли выглядели подобающим для альпинистов образом, прибыв к горе в шлепанцах, шортах и солнцезащитных очках фирмы Ray-Ban. Время тоже оказалось выбрано неудачно. Мы договорились присоединиться к крупной экспедиции, которая к тому моменту уже около месяца акклиматизировалась на больших высотах. Эти парни собирались идти на Эверест, однако их планы нарушила лавина на ледни-

---

¹ Южный склон Дхаулагири был пройден соло почти полностью в 1999 году словенским альпинистом Томашем Хумаром.

ке Кхумбу, поэтому они перебрались сюда, чтобы подняться на Дхаулагири. Мы же не могли соблюсти график нормальной акклиматизации из-за короткого армейского отпуска¹.

Разница сразу почувствовалась уже на подъеме к базовому лагерю: мы быстро отстали от основной группы. Путь занял у нас на три дня больше, и Джеймсу в прямом смысле этого слова приходилось бороться с высотой.

«Ребят, а чем вы вообще занимаетесь, кем работаете?» — спросил альпинист из нашей команды. Было понятно, откуда такой вопрос. Парня заинтересовал наш внешний вид еще при первой встрече, и он, очевидно, пытался понять, то ли мы индивидуалисты-профи, то ли просто искатели приключений, от которых на горе стоит держаться подальше, особенно при штурме вершины. Мы молчали, потому что не могли рассказывать о себе по соображениям секретности. Кроме того, хотелось, чтобы нас оценивали по тому, что мы сможем сделать на склоне, а не по тому, что мы спецназовцы.

«Мы военные», — наконец ответил я, надеясь, что на этом расспросы закончатся.

Альпинист удивился. Наш комплект снаряжения выглядел неполным, хотя вещи были хорошего качества. В итоге товарищи по экспедиции записали нас в туристы-дилетанты. В общем-то, в какой-то степени они были правы, но мы сдаваться не собирались и с энтузиазмом стали готовиться к активной акклиматизации. В течение следующей недели мы

---

¹ Обычно восхождение на восьмитысячник занимает около двух месяцев, и значительная часть этого времени уходит на акклиматизацию. Сначала восходители поднимаются в лагерь I. Затем — в лагерь II и III с целью пройти как можно выше, однако затем возвращаются и ночь проводят на более низкой высоте. Это называют акклиматизационными выходами, они позволяют привыкнуть к высоте и уменьшить симптомы горной болезни. Затем придется ждать «погодного окна» для штурма вершины. Иногда на такое ожидание уходит несколько недель.

планировали подняться в первый и второй лагерь из четырех, установленных на пути к вершине, а ночевать на более низких высотах.

На первом акклиматизационном выходе выяснилось, что высота Джеймсу дается гораздо хуже, чем мне. В принципе это было заметно еще на подходе к базовому лагерю, но сейчас стало однозначно понятно, что он сдает и теряет темп, тогда как я рвался вперед. Моего напарника одолевала горная болезнь, особенно плохо он выглядел на отдыхе в первом лагере. На следующий день Джеймс снова остался далеко позади, хотя шерп-носильщик взвалил на себя большую часть его поклажи, да и я нес около тридцати килограммов. Конечно, не стоило перенапрягаться — вскоре я тоже выдохся. Хотелось испытать себя и показать свои возможности и скорость, и я слишком уж резво отправился наверх. Поэтому во втором лагере пришлось остановиться. Где-то с два часа я готовил чай и отдыхал, а Джеймс почему-то все не появлялся. И вдруг мне в голову пришла ужасная мысль: *не погиб ли он?*

Дхаулагери знаменита не только лавинами, на склоне полно глубоких трещин. И Джеймс, и его носильщик запросто могли угодить в одну из них. Тогда их можно искать не один день, если вообще получится найти. Уже немного паникуя, я быстро убрал в рюкзак посуду (я рано понял, что лучше всегда иметь вещи при себе) и отправился вниз. Пройдя немного, увидел двух че-

Все нормативы сданы успешно.
Я готов стать гуркхом

ловек, которые медленно брели по склону, и узнал в одном из них Джеймса. Ему было гораздо хуже.

— Это большая гора, брат, — сказал я. — Тебе надо как следует акклиматизироваться, а пока позволь забрать твой рюкзак.

Я протянул руку, но Джеймс, казалось, колебался. Он не хотел сдаваться, я настаивал. Такое его поведение в бою было бы выше всяких похвал — он старался терпеть боль. Но на горе вести себя так равносильно самоубийству.

— Слушай, забудь о своем эго сейчас, — сказал я. — Если хочешь оказаться на вершине, дай помочь тебе.

И Джеймс уступил. Медленно, но верно мы начали спускаться к лагерю I, и тут стало понятно, что работа на высоте сказалась и на мне. Я переусердствовал. Так горы преподали первый важный урок: *не растрачивать силы впустую*. С этого момента я обещал себе не расходовать энергию попусту, а выкладываться лишь при необходимости. И когда через несколько дней отправился на штурм своего первого восьмимысячника, то поначалу держался позади ведущей группы, цепочкой вытягивавшейся из лагеря вверх по склону. Я делал это не только из уважения к шерпам, ведущим нас к вершине, но и потому, что никогда раньше не восходил на такую огромную гору и не хотел вновь испытать резкий упадок сил.

На Дхаулагири также впервые удалось увидеть работу профессиональных гидов. Сначала впереди шел один из шерпов, протаптывая путь в снегу по пояс глубиной. Затем, когда он уставал, его сменял другой гид, потом начинал тропить третий, затем вновь наступала очередь первого. Нам же оставалось лишь идти по следам, что было, конечно, гораздо легче. Так коммерческие клиенты совершали восхождение, не затрачивая больших усилий. Но для шерпов это тяжелая работа, которая не может не вызывать уважения.

Я уяснил, что тропят обычно двумя способами¹. Первый подходит, когда снега на склоне по голень или по колено. В этом случае ведущему, чтобы вытащить ногу из снега, приходится поднимать ее высоко к груди. Когда же снег до пояса и выше, нужно буквально пропахивать колею, продвигая бедра вперед, прежде чем, развернув бедро, можно будет вытащить ногу и сделать следующий шаг.

Внезапно парень, шедший впереди, отделился от очереди и направился к шерпам, чтобы помочь.

— Эй, — окликнул я его, — что ты делаешь? Ты ведь такстроишь наших гидов.

— Нет, я только помогу немного братьям-шерпам, — отмахнулся он.

Мне этот поступок показался неуважением к работе гидов — парень, похоже, решил стать героем, а на такой сложной горе это опасно. Но, как оказалось, я ошибался. Вскоре еще один шерп все объяснил.

— Нимс, снег слишком глубокий, — сказал он, — если есть силы и ты в состоянии помочь, то помоги.

Чуть позже я вышел вперед и начал тропить. Ноги работали равномерно, погружаясь в снег, словно поршни в механизме. Работа оказалась тяжелой, но мысль о том, что каждый шаг приближает к вершине всю команду, давала сил стабильно продвигаться вперед. Бедра и икроножные мышцы болели от усилий, но дышалось легко, и усталость не наступала. Я чувствовал себя

---

¹ Я также узнал о том, что существуют разные стили восхождения. На Дхау-лагири мы поднимались с помощью команды, которая обрабатывала маршрут, провешивая веревочные перила. Альпинисты пристегивались к этим перилам при подъеме по склону. Восхождение в альпийском стиле предполагает, что команда совершает восхождение быстро по неподготовленному маршруту, при этом альпинисты идут в связке. Если кто-то один срывается, остальные могут удержать его от падения. Наконец, соло-восхождение подразумевает подъем на пик в одиночку.

сильным. Бум! Бум! Бум! Каждый новый шаг наполнял энергией. Обернувшись в какой-то момент посмотреть на пройденный путь, я с удивлением увидел остальных участников восхождения далеко внизу, они превратились в черные точки на склоне.

Это дерьмо мне нравится, подумал я, любуясь проложенной тропой. Я шел вперед, не особо задумываясь, и находился в том же состоянии, в каком спортсмены устанавливают новые рекорды или выигрывают чемпионаты. *Словом, я был в ударе.*

Однако не стоило забывать о том, что нельзя перенапрягаться. Поэтому я, не торопясь, добрался до места, где можно было отдохнуть, и около часа ждал, пока подтянутся остальные. Когда все собрались, начальник гидов одобрительно вскрикнул и хлопнул меня по спине. А другие альпинисты, в том числе те, что несколько дней назад смотрели свысока и думали, что вершины мне не видать, теперь подходили позвать руку.

Казалось, все обрадовались тому, что есть еще один участник команды, способный идти впереди и прокладывать путь. Проявленное усердие резко изменило мнение обо мне у всех. *Я перестал быть туристом на восхождении.* И теперь даже мыслил иначе. Я дошел до вершины, протропив в общей сложности более 70 % маршрута. Это не только удивило, но и воодушевило меня. «Брат, — сказал я себе, — а ведь ты крут на большой высоте».

* * *

В моем роду и среди ближайших родственников нет альпинистов, и я никогда не готовился специально к тому, чтобы совершать восхождения в «зоне смерти». Будучи ребенком, я мечтал о том, чтобы стать гуркхом, как мой отец. Потому что гуркхи всегда считались бесстрашными, верными и преданными воинами. Сейчас они служат в непальской, британской и индийской армиях, равно как и в полиции Сингапура, но все без исключения гуркхи — непальцы. О них написано много книг,

Нелегкая служба в пустыне, но мне нравилось

поэтому обойдусь лишь краткой историей. Англичане имели возможность оценить боевые качества гуркхов во время англо-непальской войны 1814–1816 годов, когда непальская армия противостояла армии Британской Ост-Индской компании (численность последней вдвое превышала численность регулярной английской армии). И британцы были настолько впечатлены, что заключили с Королевством Непал договор, позволявший нанимать гуркхов и формировать из них нерегулярные вооруженные силы.

Впоследствии гуркхские подразделения стали высоко цениться, они участвовали не только во Второй мировой войне, но и в боевых действиях в Ираке и Афганистане. Два моих старших брата — Ганга и Камаль — пошли по стопам отца. Когда они приезжали домой в отпуск, все смотрели на них с ува-

жением и благоговением, чуть ли не как на рок-звезд. Гуркхи стали легендой, их девиз *«Лучше умереть, чем прослыть трусом»* говорит сам за себя. Образ героя-гуркха поддерживался историями об успешных военных действиях и различного рода приключениях.

Еще одна мечта детства: стать правительственным чиновником. С той лишь разницей, что я хотел быть непальским Робин Гудом. Непал был маленьким горным королевством, жители которого долго не имели гражданских прав и свобод. Сызмальства я видел, что народ живет плохо и уровень бедности невероятно высок. Многие непальцы — индуисты и, несмотря на отсутствие материальных благ, все равно жертвуют деньги храмам, делая подношения при каждом посещении.

Я поступал иначе. Если заводились лишние деньги, я предпочитал раздать их бедным, бездомным и убогим на улице, вне стен храма. Либо в автобусе, где часто можно было встретить играющих бродячих музыкантов. Эти люди были вынуждены зарабатывать на жизнь таким образом, потому что лишились работы по инвалидности или из-за болезни. Деньги я всегда давал с обязательным условием, *что они будут потрачены на нужды человека и его семьи, а не на выпивку*. Сами по себе деньги никогда меня не привлекали, но в детстве я мечтал попасть во власть, надеть форму, потому что хотелось отбирать средства у богатых, особенно у тех, кто нажил состояние за счет коррупции, и передавать их бедным.

Такое отношение неудивительно, если знать, что я появился на свет 25 июля 1983 года в бедной семье в деревушке Дана (район Мьягди, Западный Непал). Деревня находится на высоте 1600 метров, поэтому нельзя сказать, что я родился с кошками на ногах и был с детства привычен к большой высоте. Самая большая гора в районе как раз Дхаулагири, но от порога моего дома до нее довольно далеко. У нас большая разница в возраст-

те с братьями Гангой, Джитом и Камалем — они старше меня более чем на восемнадцать лет. Также у меня есть младшая сестра Анита. Мы выросли в любящей семье, несмотря на то что средств не хватало. Например, купить тогда машину для всех нас было несбыточной мечтой. Тем не менее я рос счастливым ребенком, ведь для счастья нужно совсем немного.

Родителям пришлось жить в нищете с юности. Они женились по любви, будучи представителями разных каст. К межкастовым бракам консервативное непальское общество относится плохо, и родня с обеих сторон была против этого союза. В результате мои родители стали изгоями, разлучились со своими родственниками и лишились их поддержки. Им пришлось всего добиваться самим с нуля.

Отец отправился служить в гуркхский полк в Индии, однако его жалованья не хватало на содержание троих детей, поэтому мать устроилась работать на ферму. На работу она ходила как минимум с одним ребенком на спине. Много трудиться и к тому же вести домашнее хозяйство, воспитывая детей, было очень трудно, однако мама не опустила руки. Свое трудолюбие я унаследовал от нее. Ее воспитание оказало на меня огромное влияние, как влияла она и на тех, кто был знаком с ней.

Мама не получила образования, и это, должно быть, ее очень беспокоило. Видимо, поэтому она стала общественной активисткой и выступала за свободный доступ к образованию и против гендерного неравенства. Такая активность была необычной для непальской женщины в то время, однако мама боролась за то, во что верила. Часто ей едва удавалось заработать на еду, тем не менее наша семья выдержала. Когда братья подросли, они тоже начали работать. Они вставали в пять утра и отправлялись запастись траву для трех быков, которые у нас были. После этого на весь день уходили в школу.

Мне уже было легче. В нашем саду росло несколько апельсиновых деревьев, и когда созревали плоды, я забирался на ветки и тряс их, пока все апельсины не падали. Я ел досыта, а на следующий день собирал оставшиеся трофеи, и пир повторялся. Но когда мне исполнилось четыре года, семья переехала на юг Непала, в расположенную в джунглях Читвана деревню Рамнагар, более чем в 350 километрах от Даны. Здесь было очень жарко, а горы остались далеко на севере. Причиной отъезда стала боязнь оползней, постоянно угрожавших Дане, — в районе есть несколько рек, которые в непогоду быстро выходят из берегов.

Я не особо переживал из-за переезда. До джунглей было рукой подать, и когда мама уходила собирать хворост, мне было где найти приключения — на деревенской улице, в лесу, у воды. С раннего детства я легко довольствовался малым и получал эмоции едва ли не на ровном месте. Возможно, поэтому в дальнейшем я не испытывал особенных трудностей в эмоциональном плане ни при несении воинской службы, ни коротая время в палатке на склоне горы.

Моя мама была очень строгой, но в выходные она только радовалась, когда я отправлялся в одиночку исследовать окрестности деревни. Большую часть времени с десяти утра до пяти дня я проводил на реке, занимаясь ловлей крабов и креветок. Мне доставляло радость жить на природе. Приключения, казалось, ждали повсюду. А мама морщилась по вечерам, когда я с гордостью предъявлял улов. «Зачем ты притащил эту гадость?» — недовольно спрашивала она.

Но скоро жизнь изменилась. Мои братья отправились служить в гуркхские подразделения. Они хотели помочь мне добиться лучшей жизни и каждый месяц высылали часть жалованья домой, оплачивая мою учебу в Small Heaven Higher Secondary School — школе-интернате в Читване. Такое образование можно

было назвать роскошью, хотя, разумеется, никто не знал, сколько это продлится.

— Однажды твои братья захотят жениться, — говорила мама, — у них появятся семьи, и они не смогут больше оплачивать твои занятия.

Но уже тогда у меня был план, как поддерживать семью.

— Послушай, это хорошо, — сказал я маме, — я вырасту, сдам экзамены и стану школьным учителем или воспитателем в детском саду. И тогда я буду заботиться о тебе.

На самом деле я хотел стать гуркхом. У меня определенно имелись задатки для военной службы.

Несмотря на то что в интернат я попал в возрасте пяти лет, школьная жизнь вдали от дома устраивала меня. В школе все спали в общей спальне, верховодили старшие ученики, а учителя били тех, кто осмелился ослушаться. Так что первой задачей стало быстро приспособиться к нелегким условиям.

По мере взросления бороться за место под солнцем становилось все сложнее. Я, конечно, был силен и смел для своего возраста, но в школе училось много детей постарше, и с ними приходилось иметь дело. Иногда приезжала мама, привозила что-нибудь вкусное, и это тотчас же пытались отобрать у меня, едва она отправлялась домой. Порою я оставался без еды и ничего не мог с этим поделать.

Первым навыком выживания стало умение быстро бегать — чтобы удрать в лес, прежде чем кто-либо отберет еду или вещи. Бегал я хорошо и был очень вынослив. И мне нравились занятия бегом на уроках физкультуры. Следующим навыком выживания стало умение справляться с местными задирами. По мере взросления сил прибавлялось, и в юношеском возрасте я начал заниматься кикбоксингом. Вскоре я не только уже мог защитить себя, но показал хорошие результаты, став чемпионом региона по кикбоксингу. К моменту поступления в де-

взятый класс я проиграл лишь единожды — чемпиону Непала, который был старше на семь лет. Со сверстниками проблем более не возникало. Едва очередной задира решал покуситься на мои продукты, я сначала предупреждал его, а потом пускал в ход кулаки. И очень немногие решали помериться со мною силой. Кикбоксинг стал первым шагом к превращению мальчика в мужчину.

Следующим шагом можно считать попытку попасть в гуркхи.

3. ЛУЧШЕ УМЕРЕТЬ, ЧЕМ ПРОСЛЫТЬ ТРУСОМ

Однажды я заболел туберкулезом — довольно распространенной в Непале болезнью, но смог вылечиться. Потом мне поставили диагноз «астма». Когда врач объяснил, что это такое, и рассказал о долгосрочных последствиях и перспективах, я подумал: *«Да ладно, никаких проблем»*. Ничто не могло помешать мне жить полной жизнью, и впоследствии я избавился от астмы, занимаясь бегом в лесу и участвуя в качестве развлечения в школьных соревнованиях в беге на дальние дистанции.

С раннего возраста я верил в силу позитивного мышления и не терзался мыслями о преходящих болезнях и хронических недугах, тогда как многих людей мысли об их заболевании не отпускают годами. Я стал лекарством для себя, человеком-антибиотиком, верил, что излечусь, *и так и происходило*. Способность мыслить позитивно в конце концов помогла попасть и в британскую армию, где, можно сказать, удалось выйти на

новый уровень жизнестойкости. Это фактически была броня, и вскоре я осознал, что если действительно веришь в себя, то возможно все. Уверенность в себе оказалась очень кстати, когда меня взяли в гуркхи.

Отбор, который проходят кандидаты на службу в гуркхских подразделениях, весьма жесткий. Об этом я знал заранее от своих братьев. Прежде чем юноша получит шанс стать новобранцем, он в возрасте от семнадцати до двадцати одного года проходит серьезные обследования физического и психического состояния. Так, например, если у кандидата более четырех пломб или отсутствует несколько зубов, его признают негодным к службе. Не менее тщательно проверяются умственные способности.

Сначала мне нужно было сдать школьные экзамены, чтобы получить аттестат. Непальский аттестат считается чем-то средним между аттестатом об окончании средней школы в Британии и экзаменами для британских старших школьников, необходимыми для поступления в университет.

В 2001 году пришло время пробоваться в полк. Для этого предстояло пройти начальный отбор: всех осматривал специальный инспектор — гуркх в отставке, который ездил по деревням. Инспекторы придирчиво исследуют внешний вид потенциальных новобранцев, поскольку, например, любые шрамы на теле — повод к отказу. К счастью, в ходе занятий кикбоксингом мне удалось избежать серьезных травм. И все же с первого раза меня не взяли. Подозреваю, я чем-то не понравился инспектору. Я оказался одним из восемнадцати кандидатов, успешно прошедших тесты, в том числе физические, однако инспектор вписал мою фамилию в список под двадцать шестым номером, а в тот год в отбор попали двадцать пять человек. Отказ привел меня в такое бешенство, что я даже в какой-то момент подумал отказаться от мечты стать гуркхом.

Первое серьезное восхождение. Пик Лобуче. Привыкаю ходить в кошках

Но вскоре получилось справиться с эмоциями, хотя я по-прежнему злился на несправедливость. Годом позже все сложилось как надо, и меня отправили в региональный пункт сбора, где сначала пришлось сдавать физические нормативы — отжимания, приседания и подтягивания, а затем экзамены по английскому и математике. Затем последовал третий, завершающий и самый тяжелый этап отбора.

Наиболее известным заданием на финальном этапе является бег. Кандидату ставят на голову корзину с тридцатью килограммами песка, и он должен пробежать с этим грузом пять километров в гору, уложившись в сорок восемь минут. Беговая часть не вызвала особенного беспокойства. К тому времени моя заинтересованность в легкой атлетике переросла в нечто более серьезное. Еще будучи учеником седьмого класса, я как-то помогал учителю в проведении отборочных состязаний — предстояло выявить десятиклассников, которые представят нашу школу на региональных чемпионатах. С помощью белой краски я промаркировал дистанцию — круг в четыреста метров, и когда забег стартовал, решил присоединиться к бегущим ради развлечения. На первом повороте я оказался в числе лидеров, а на втором ушел далеко вперед и первым пересек финишную черту. Увидев меня, учитель решил, что это розыгрыш.

— Пурджа, откуда ты здесь взялся? Что за шутки?

— Сэр, спросите остальных, я бежал наравне с ними, — ответил я.

Когда выяснилось, что это правда, у руководства школы не осталось выбора, и на региональный чемпионат отправили меня, семиклассника, хотя к состязаниям допускались только ребята старше на три года.

— Ты поедешь на соревнования, несмотря на юный возраст, — сказал тогда учитель.

Я несколько не переживал по поводу грядущих соревнований, хотя не знал, чего ждать и как готовиться. И тем не менее оказался готов. Забеги проводились на дистанциях 800 метров, 2400 метров, 5000 метров, а также на эстафете 4x400 метров. Я решил бежать босиком, потому что опасался, что кроссовки будут обузой, лишним весом, из-за чего снизится скорость. Выбранная тактика заключалась в том, чтобы держаться первую половину дистанции в основной группе, а затем делать рывок вперед. Так я победил в эстафете и на дистанциях 800 и 2400 метров. Авантюра, на которую пошла моя школа, увенчалась успехом.

Так что, повторяюсь, бег не являлся проблемой, но вот к корзине с грузом пришлось приспособливаться, несмотря на то, что я имел некоторый опыт бега с нагрузкой. Еще при подготовке к школьным соревнованиям я по собственному почину устраивал дополнительные тренировки с утяжелением. Для этого приходилось просыпаться в четыре утра, выбираться незамеченным на улицу и бегать. Перед каждым таким кроссом я привязывал к ногам металлические стержни, которые однажды нашел возле школы. Пробежав по близлежащему району, я успевал вернуться в кровать до пробудки, никем не замеченный. Оставалось надеяться, что теперь эти дополнительные тренировки пойдут на пользу.

Очень кстати оказалась и помощь братьев, оба они проходили это испытание и знали, чего ждать. Финальный отбор проводился в городе-курорте Покхаре, и оба они приехали туда — у Камалья подоспел очередной отпуск на службе, а Ганга к тому времени уже был военным в отставке.

— Итак, Нирмал, сделаем твою тренировку более интенсивной, — сказал Камаль, принесший бамбуковую корзину, в которую он положил большой тяжелый камень. Мои руки слегка затряслись от напряжения, пока я поднимал груз на голову.

— Теперь немного привыкни к весу, и вперед! — сказал брат. В Покхаре достаточно много участков с пересеченной местностью, и мы побежали по крутым тропинкам вдоль реки. Вскоре мне стало казаться, что груз весит тонну, и довольно быстро начали болеть шея, спина и икроножные мышцы.

Когда мы наконец остановились, Камаль посмотрел на часы, нахмурился и сказал:

— Ты бежал час. Так не сдашь норматив. Давай повторим завтра.

На следующий день я пробежал дистанцию за пятьдесят пять минут, а еще через день преодолел все пять километров менее чем за сорок восемь минут и поверил, что все получится. Но, оказавшись на испытательной площадке и увидев рельеф, по которому предстояло бежать, а также соперников, которые тоже хотели быть первыми, я засомневался.

Поговаривали, что кто-то из ребят хорошо заплатил тренерам и прошел под их руководством специальные интенсивные тренировки. Многие мои конкуренты выглядели целеустремленными и подготовленными, некоторые даже сделали себе стрижки в стиле милитари и купили новые кроссовки специально для соревнований.

Однако не стоило переживать — я завершил гонку в числе лидеров. Впереди ждала служба в одном из наиболее элитных армейских подразделений мира.

* * *

Остальные испытания на финальном этапе отбора, как то: подтягивания, приседания, спринт, бег по пересеченной местности без дополнительной нагрузки, челночный бег — не представляли сложности, я даже стал первым в забеге на полторы мили. Так же спокойно я сдал математику, английский и прошел психологическое тестирование и стал наконец ре-

крутом гуркхского королевского полка Ее Величества. Через две недели после финальных испытаний самолет с новобранцами вылетел в Англию. Так я впервые оказался за границей. Подготовка проходила в Пехотном учебном центре в Каттерике, в графстве Йоркшир. Я надеялся, что по пути в учебный центр нам дадут время ознакомиться с достопримечательностями.

«Не стоит беспокоиться, — говорил я себе, — я учился в интернате, мой английский на высоте. Все будет в порядке».

Однако прибытие в аэропорт Хитроу в январе 2003 года несколько шокировало. Было холодно. Я полагал, что нас провезут через центр Лондона, что это будет такая мини-экскурсия и получится увидеть Биг-Бен, собор Святого Павла, Букингемский дворец и так далее. Однако из аэропорта автобус сразу повернул на шоссе и поехал на север страны. Хотя путь проходил по живописным холмам, на которых паслись овцы, и мы сделали несколько технических остановок по дороге, я стал сомневаться в том, что удастся приобщиться к английской культуре.

Во-первых, погода стояла ужасная: дул такой сильный ветер, что казалось, будто дождь идет сбоку. Во-вторых, языковой барьер оказался почти непреодолимым, и разговоры британцев-новобранцев в большинстве случаев оставались непонятными. В школе я хорошо занимался английским, но тут восприятие языка осложнялось большим количеством диалектов и акцентов. Диалект Ньюкасла, манчестерский диалект, коки — я не понимал ни слова. Первый англичанин, с которым довелось познакомиться, оказался из Ливерпуля, он заговорил с сильным местным акцентом, и мне стало страшно.

Я вообще не понимал, что он говорит.

Проблема заключалась в том, что в Непале нам преподавали английский как следует, но никто не позаботился рассказать

о многочисленных диалектах. И когда пришлось столкнуться с ними, я оказался в затруднительном положении и первые несколько недель, пытаясь принимать участие в разговорах, думал: «Что они, черт возьми, мне говорят?»

Муштра в Каттерике научила также быть всегда одетым как положено. Одно из многих правил, которым приходилось обязательно следовать, — ты в буквальном смысле всегда должен быть одет по форме. Даже когда нас первый раз отпустили на пляж, весь взвод шел по песку босиком, но в форме — в закатанных брюках и куртках, перекинутых через плечи. Для окружающих мы, должно быть, выглядели смешно.

Прежде чем попасть в настоящий бой, пришлось учиться четыре года, но зато я оказался более чем подготовлен. В ходе тридцатитрехнедельного курса я узнал о том, как функционирует полк в мирное время и в ходе боя. Пройдя подготовку рекрута, я влился в гуркхский инженерный полк, и настало время выбрать профессию, которую необходимо освоить в обязательном порядке. Предлагался список профессий, в том числе плотницкое и слесарное дело. Я выбрал строительство и отделочные работы и девять месяцев прожил в городе Чатеме в графстве Кент, где учился штукатурить стены, вникал в тонкости покраски и декорирования. Было скучно, но я знал, что стоило получить мирную профессию, чтобы зарабатывать по окончании военной службы.

Затем последовало изучение саперного дела, после чего начались полевые учения. По завершении тринадцатинедельного курса All Arms Commando Course в тренировочном центре морской пехоты в Лимпстоне, графство Девон, я отправился в Афганистан в рамках операции Herrick — двенадцатилетней стратегии по поддержанию военного присутствия в стране. Операция была нацелена на противодействие террористической деятельности движения «Талибан», также в число

наших задач входило оказание помощи афганцам в создании новой системы государственной власти. Это была тяжелая работа.

Мне приходилось очищать от самодельных взрывных устройств большие территории. Во время спецопераций морпехи часто шли в авангарде, и, как только обнаруживалось что-то подозрительное, в дело включались мы, саперы. Необходимо было осмотреть подозрительный участок, выявить точное место, где находится бомба, и обезвредить ее. Все это приходилось делать на скорости, поскольку нас могли в любой момент атаковать, и в то же время не торопиться и действовать осторожно, чтобы бомба не взорвалась.

В основном я работал с отрядом из сорока коммандос. Одна из совместных оперативных задач заключалась в следующем: отправляясь на патрулирование, мы продвигались по населенному пункту от двери к двери, проверяли обнаруженные оружие и боеприпасы, а также тайники талибов с наркотиками. Я старался работать хорошо, потому что дорожил репутацией гуркхов, и также был очень предан королеве и короне — они много для меня значили. Однако я не боялся высказывать свое мнение.

В ходе одной операции мне поручили обследовать территорию вражеского лагеря на предмет мин-ловушек. Подразделение действовало скрытно, поэтому пришлось действовать особенно осторожно. Я тщательно обследовал зону, чтобы ничего не пропустить. Спиной я чувствовал, что командир наблюдает за моей работой и что его терпение заканчивается.

— Пурджа, поторопись, — сказал он. — В чем проблема?

— Конечно, *можно* побыстрее, — ответил я, — можно поверхностно осмотреть и сказать, что все в порядке, но не хочется, чтобы гуркхов потом обвинили в том, что остались необезвреженные устройства. Так что дело не только во мне...

Мне также не понравился тон командира. *Похоже, он подумал, что я боюсь и поэтому не могу работать быстро.* Разумеется, я не был сумасшедшим, просто когда знаешь, что бомба может взорваться в любую секунду, поневоле нервничаешь. Но страха не было.

— Думаешь, я испугался? — продолжил я, отбросил металлодетектор и спокойно прошелся по помещению. — Моя жизнь тут ни черта не стоит, но вот репутация значит много. Поэтому я делаю работу как следует.

— Ох!.. — сказал командир.

Он выглядел несколько растерянным и даже не выговорил мне за неподчинение.

Во время пребывания в Афганистане я быстро проникся уважением к морпехам. Мне нравился их характер, их дух. Это суперсолдаты, но при этом они вели себя скромно, и это мне нравилось. Я никогда не страдал отсутствием уверенности в себе, но выпячивание собственного эго мне не по душе. Так что саперы-гуркхи и британские морпехи уважали друг друга, и нам не раз приходилось попадать в передраги.

В таких ситуациях работа гуркхов заключалась в оказании поддержки в ближнем бою, и нас отправляли вперед, чтобы заминировать входы во вражеские укрепления. Для этого мы использовали мины L9. Изначально их разработали как противотанковые фугасы, но потом стали применять для устранения препятствий; с их помощью легко пробивались толстые стены построек. Моя работа заключалась в том, чтобы подкрасться к двери, установить мину, отбежать на безопасное расстояние и... БАХ! Затем отряд морпехов врвался внутрь сквозь дымящуюся дыру и уничтожил врага.

Иногда меня привлекали к патрулированию. Приходилось вставать в четыре утра, брать ручной пулемет и проходить по открытым участкам, чтобы обозначить наше присутствие. По-

сле этого мое подразделение проходило через города и деревни в сильную жару, налаживая контакты с дружелюбно настроенными афганцами и попадая под обстрелы из засад со стороны не столь дружелюбных. Работа была трудной, но оно того стоило. Едва начиналась стрельба, я ощущал резкий выброс адреналина.

Служба постоянно была связана с риском угодить в бой, и все прекрасно это осознавали. Кому-то, к сожалению, предстояло погибнуть, и я был готов к смерти и старался не оказаться застигнутым врасплох. Время от времени доводилось слышать об операциях, которые проводили ребята из Специальной авиадесантной службы или из отряда спецназа ВМС, в частности, об освобождении заложников, задержании высокопоставленных функционеров «Талибана», проведении спецрейдов. Эти секретные подразделения британского спецназа делали еще более крутые вещи, чем мы. И когда довелось впервые услышать об этих бойцах во время учебы в Каттерике, я был под впечатлением.

Вот это да! Я хочу стать одним из них.

Мне нравилось быть военным, однако хотелось выбиться в лидеры и здесь. Элитой является спецназ. Я оценил свои возможности и поначалу решил попробовать попасть в Специальную авиационную службу. Изучив методы работы САС и предъявляемые требования к соискателю, я был поражен. Они действовали на суше, воде и в воздухе. Но затем мой приятель рассказал об Особой лодочной службе. Получалось, что эти ребята еще круче. «Эти парни прыгают с парашютом, сражаются на суше и на воде, — сказал мой знакомый. — Все это делают и в САС, однако в Лодочной службе проводят бои и под водой».

Поработав с морпехами в Афганистане, я понял, что работа спецназовца мне по душе. Поэтому по окончании афганской ко-

мандировки я прошел краткий курс в Особой лодочной службе и отправил запрос в надежде попасть туда. В течение полугода мы с другими кандидатами проходили всевозможные тесты, которые позволили отделить годных к службе в этом подразделении, и в 2008 году на мой запрос ответили положительно. После шести лет службы в гуркхском подразделении я поднялся на новую ступеньку в военной карьере, попав в военную элиту Великобритании.

4

НЕУКЛОННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

Никто не верил, что намерение попасть в Лодочную службу осуществимо, поскольку до сих пор ни один гуркх не служил в ее рядах, хотя я знал, что нескольких гуркхов приняли в САС. С Лодочной службой все обстояло сложнее просто потому, что Непал не имеет выхода к морю, а каждый член Службы обязан хорошо плавать и нырять даже в ходе боя. Это общеизвестная информация, поэтому казалось, что шансов мало. Даже если бы удалось пройти отбор, после этого требовалось отучиться на нескольких специальных курсах, чтобы гарантированно оказаться в Службе. Вести боевые действия в воде — совершенно новая для меня сфера деятельности, но я намеревался принять вызов. Скептически к этому относились в основном мои сослуживцы-гуркхи.

Ты шутишь, чувак. Ты говоришь так просто потому, что тебе нравится рассуждать об этом.

Я не обращал внимания на эти комментарии и шел к поставленной цели. Было очевидно, что придется не только адапти-

роваться к нагрузке и научиться вести полноценный бой в тылу врага, нужно еще сойтись с теми, кто уже служит в элитном подразделении. Я-то приехал из Непала и буду один как перст среди британцев. Чтобы избежать культурного шока, стоило хотя бы понимать их юмор. Поэтому я стал учить все — от плоских банальных каламбуров и похабных анекдотов до шуток из старых комедий и комедийных шоу. Непальский юмор сильно отличается от английского и особенно от юмора британского спецназа, поэтому я старался запоминать любые остроты и смешные истории.

Почему блондинка внимательно смотрит на бутылку с апельсиновым соком? Потому что на этикетке написано: «сок-концентрат»¹.

Мне очень хотелось вписаться в коллектив. Руководители тщательно отбирали тех, кто легко и хорошо сходился с сослуживцами. Для солдат, сражающихся в крайне тяжелых и нестандартных условиях, боевой дух — жизненно важный фактор. Поэтому если потенциальный новобранец не умел пошутить или не понимал черный юмор, это сразу отмечали, что оказывалось не в его пользу.

Нужно было стать своим, потому что оправданий из серии «ой, я непалец» или «ой, я не учился в Англии, поэтому не понял, что вы сказали» никто бы не принял. Я должен был подходить по всем параметрам.

Что касается физических тренировок, то пришлось пройти через ад. Служба в гуркхском полку заканчивалась в 17.00. После этого я сразу бежал домой, немного ел и отправлялся в спортзал, где предстояло «проехать» на велотренажере семьдесят миль.

Также необходимо было хорошо плавать, а с этим имелись проблемы. Поэтому я шел тренироваться и плавал столько, сколько позволял организм: после интенсивного бега без передышки отправлялся в бассейн и проплывал два с половиной ки-

¹ Игра слов в английском языке. Надпись «Juice: concentrate» можно прочесть как «сок, сконцентрируйся».

лометра, пока совсем не выдыхался. Редко когда удавалось лечь спать раньше полуночи, до кровати я добирался, едва волоча ноги, но иногда уже в два ночи вставал, чтобы пройти с 35-килограммовым грузом от казарм в Мейдстоне до Чатема¹.

Выходные я посвящал беговым тренировкам, и вскоре бег трусцой по несколько часов стал нормой. Приходилось вставать в восемь утра и тащить свою задницу на улицу, чтобы побегать с двумя-тремя друзьями-гуркхами. Причем я был своего рода переходящим вымпелом, то есть пробежал с одним приятелем около десяти километров в быстром темпе, затем с другим еще десять, и такие пробежки длились часами напролет. Это выматывало как физически, так и психически.

Вылезать из постели глубокой ночью, когда на улице проливной дождь, — то еще удовольствие, но я справился. Когда со временем дождь превратился в снег, я не поддался искушению и не бросил тренировки. Контроль над эмоциями — одно из многих качеств, которыми должен обладать спецназовец.

Я не успевал отдыхать. Когда тренировался в одиночку, делал это с 35-килограммовым рюкзаком на плечах, что существенно усложняло процесс. Я понимал, что, когда попаду в подразделение, отдыхать точно не придется, и упорные тренировки казались наилучшим способом подготовиться к будущему. И все время приходилось бороться с сомнениями и сомневающимися. Сослуживцы по гуркхскому полку и командующие не верили, что непалец сможет попасть в спецназ, и считали, что я взялся за слишком тяжелые тренировки. Однако они недооценивали мою целеустремленность. Я не переставал надеяться. *А надежда есть Бог.*

Я не религиозен. Мои родители — индуисты, мне же нравится отмечать любые религиозные праздники. Я мог сходить в индуистский храм, а мог в буддистский монастырь. Всегда интересно узнать что-то новое, новые мысли, новые идеи. Я от-

---

¹ Около 14 километров.

крытый человек и уважаю все религии. Но больше всего я верю в себя. В детстве было желание пойти в гуркхи, *и это стало моей религией*. Попав в гуркхский полк, я захотел через шесть лет оказаться в британском спецназе, *и теперь это стало религией*. В такие вещи необходимо просто верить, иначе не пройдешь через сито отбора. Требовалась сильная вера в то, что делаешь, а не просто желание получить удовлетворение или совершить нечто, чем впоследствии можно похвастаться. Попадание в военную элиту стало идеей фикс, и я посвятил себя этому без остатка.

И вот пришло время полугодичных отборочных испытаний, это невероятный тест на физическую и психическую устойчивость. Отбор начался с этапа «Холмы», который заключался в серии забегов по горной гряде Брекон-Биконс в Южном Уэльсе¹. Главное было сосредоточиться на ближайших сутках и не думать о том, что впереди много других испытаний. «Сегодня я отдамся делу на сто процентов и выживу, — думал я каждое утро. — А решать завтрашние проблемы буду завтра».

Приходилось задействовать все резервы, поскольку малейшее послабление грозило провалом. Я пахал на этих холмах сутками напролет, успевая немного отдохнуть лишь ночью, и то приходилось собирать всю волю в кулак, чтобы не снижать темп на следующий день. С самого начала казалось, что я в отстающих.

Одна из ключевых способностей спецназовца — умение становиться неприметным. В реальном бою или разведке это означает суметь слиться с окружающей средой, чтобы избежать обнаружения или чтобы не привлекать внимания. Это умение помогало и в процессе отбора. Наиболее успешные из нас — те, кто постоянно опережал остальных, сразу таким образом обращали на себя внимание проверяющих, и те могли специально

---

¹ На территории национального парка Брекон-Биконс находится четыре горных хребта. Одноименная центральная гряда считается самой высокой в Южном Уэльсе, высота одной из вершин достигает 886 метров.